

входят в ткань знания, определяя исторический тип знания — его отнесенность к определенной НКМ. Коренное изменение категориальной структуры совпадает со сменой НКМ. Категории отражают в идеальной деятельности исторические формы господства человека над силами природы, уровень рефлексивного овладения чувственно-предметной материальной деятельностью. В этом смысле они суть ступени выделения человека из природы [5, 85].

Ю. В. Джулай
(Киев)

НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА И УСЛОВИЯ ПОЗНАНИЯ

Выделение НКМ как особого компонента научного знания должно опираться на анализ закономерностей развития конкретно-научного познания. Концепция условий познания является той моделью развития субъект-объективного отношения в физике, на основании которой выделяется ФКМ, и поэтому анализ изменения ее содержания позволяет во многом понять гносеологический смысл вычленения ФКМ. В рамках концепции условий познания было учтено, что процесс теоретического отражения объекта не протекает в постоянном сопоставлении теоретического образа с лежащей вне сознания вещью [98, 87—89], а заключается в работе с образом, протекающей во внутреннем плане субъекта и состоящей в данном случае приложении условий познания к его переработке.

Дифференциация условий познания на уровне эксперимента и теории привела к тому, что условия познания на уровне теории были представлены в составе языка наблюдения, научного фона, средств развертывания и интерпретации теоретических систем, среди которых можно назвать философские и логические предпосылки, наглядные образы и модели, проверенные опытом базисные теории, методологические принципы [67, 298—300]. Условия познания при этом рассматриваются уже не столько в социокультурном измерении, сколько приближены в значительной степени к внутринаучным компонентам научного знания. Именно в таком содержании они и рассматриваются элементами исходного познавательного отношения. Именно через них осуществляется переработка образа субъектом, конструктивизация объекта со стороны *всей*

предшествующей познавательной деятельности. Однако если методологические предпосылки физического познания имеют конкретную методологическую направленность — выступают средством формирования элементарных понятий теории, то их основанием признается знание, аккумулированное не только из физики, но и из научных отраслей, лежащих вне ее. Поэтому основание методологических предпосылок расширяется до естествознания и обществоведения в целом и, более того, им не исчерпывается. Такое «дерево» методологических предпосылок образует определенную систему со специфическим эталоном целостности [100, 61—62].

Условия познания в дальнейшем стали рассматриваться как теоретико-методологические предпосылки физического познания, к которым была отнесена и ФКМ. Среди этих теоретико-методологических предпосылок были также мировоззрение исследователя, общий интеллектуальный климат, влияющий через систему ценностных установок на наиболее общие научные представления, принципы и категории материалистической философии, что, по нашему мнению, и делает актуальным вопрос об их дополнительной смысловой дифференциации. В частности, на основе представления об этапах развития НТ было отмечено, что эти этапы связаны с разными компонентами методологических установок — в процессе формирования и первоначальной интерпретации НТ важнейшую роль играют принципы описания и математический формализм, а на этапе ее функционирования — способ описания. ФКМ была исключена из числа принципов и способа описания, сохраняя за собой статус методологической предпосылки [64, 142, 158], что требует вновь обратиться к осмыслению дифференциации методологических установок, так как ФКМ несет на себе печать общей идеи роли методологических установок, которая состоит в осмыслении конструктивных возможностей воздействия *всего предшествующего* опыта познания на метод научного исследования.

Этот опыт представлен не только как опыт познания, накопленный в физике в ходе перехода от одной ФНТ к другой, но выходит за рамки таким путем очерченных границ и включает психологические, социальные и этические моменты жизнедеятельности человека, естественный язык, перцепцию, и этим подчеркивается в первую очередь тот момент, что ФНТ строятся человеком как субъектом познания, образуя так называемый контекст

научного познания [19, 81, 83]. Контекст научного познания в таком содержании обычно тесно связывается с формированием принципа теории, точнее, с переходом от идеи к принципу, а контекст рассматривается в роли базиса новых идей по той причине, что его универсальный объем функционально связывается с продуктивной способностью воображения. Однако следует отметить, что еще остается малоисследованным вопрос о функциональной зависимости идеи от таких подструктур контекста, как естественный язык, нормативы культуры, для которых эвристичность имеет не только различный смысл, но во многом еще должна быть собственно определена.

Понимание неоднородности элементов «контекста» привело к тому, в частности, что мировоззрение и НКМ рассматриваются в «роли непосредственного условия развертывания логического исследования» [193, 132], смысл которого также не до конца еще проанализирован. При дифференциации методологических установок, зависящей во многом от понимания их функционального значения, важно обратить внимание не только на функциональное тождество НКМ и мировоззрения, но и на то, что рассмотрение мировоззрения исключительно в его эвристическом значении, в роли некоторого усиливающего метод орудия познания не учитывает и некоторого несовпадения субъект-объектных особенностей мировоззрения и НКМ, что может приводить к нивелировке различия между особенностями категориальных структур мировоззрения, с одной стороны, и НКМ и метода — с другой. Несмотря на высокую степень развития форм научной субъективности (в данном случае наиболее общих понятий и категорий научного познания, входящих в состав НКМ), бытие всегда оказывается богаче нашего знания и эта «внеположенность» бытия относительно форм нашего научного познания и является мерой их всеобщности, измеряемой глубиной проникновения в объект сам по себе, лежащий вне субъекта. В мировоззрении же «мир» воспроизводится не столько как предмет, лежащий вне субъекта, сколько как некоторая особая реальность, утверждаемая формами субъективности (например, социально значимыми человеческими чувствами), особая реальность, где «мир», как и сам человек, переживается как особая реальность, не отделяемая буквально от субъекта. Всеобщность такого отношения к миру, его категоризация носят духовно-практический, а не концептуально-понятийный характер.